В.Н.Косторниченко

Русская и Испанская Америка в XVIII веке: внешнеполитическая борьба за тихоокеанский фронт

В статье исследуется влияние фактора тихоокеанского фронта на внешнюю политику России и Испании во второй половине XVIII в. Историко-сравнительный и ретроспективный анализ архивных источников показал, что испанская дипломатия рассматривала российское проникновение в тихоокеанский регион как угрозу своим владениям в Испанской Америке. Правительство Екатерины II, используя эти опасения испанских властей, оказывала мощное давление на испанское правительство с целью заставить его отказаться от провокаций в Средиземноморье, занять приемлемую позицию в вопросе подписания мирного договора 1774 г. с Турцией, добиться признания полноценного статуса России как морской державы. Уверенному территориальному продвижению русских в Америке способствовала умелая сбалансированная дипломатия Екатерины II, сумевшая обеспечить не только расширение границ «Русской Америки», но и защитить интересы России на Черном море. В статье также рассматривается история формирования русско-испаноамериканской границы, показано значение русских и испанских экспедиций для экономического и административного освоения северной части Тихого океана. Исследование проведено в рамках междисциплинарного подхода с привлечением широкого круга отечественных и зарубежных архивных источников.

Ключевые слова: испаноамериканский фронт, Тихий океан, Екатерина II, Карл III, граф Ласи, Русская Америка, русско-турецкая война 1768—1774.

DOI: 10.31857/S0044748X0011911-1

Статья поступила в редакцию 27.05.2020.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ АМЕРИКАНСКОГО ФРОНТА

Истоки современных научных представлений о термине «фронт» лежат в идеях основателя позитивизма Огюста Конта, признававшего еще в шеститомном «Курсе позитивной философии» (1830—1842) ключевое влияние фактора географической среды на развитие общества и государства.

Владимир Николаевич Косторниченко — доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры исторических наук Московского государственного лингвистического университета (РФ, 119034 Москва, Остоженка 38, kostornichenko@yandex.ru).

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант 20-09-00340 А).

Наследие О.Конта предопределило появление работ ученых немецкой географической школы Карла Риттера и Фридриха Ратцеля. Так, К.Риттер соотносил исторический прогресс страны с ее физико-географической структурой, а Ф.Ратцель выводил законы пространственного роста государства из стремления «растущих народов» к завоеванию новых территорий.

Однако в законченном виде теория фронта предстала перед общественностью в 1893 г., когда американский ученый Фредерик Тернер выступил с докладом на собрании Американской исторической ассоциации в Чикаго в ходе Всемирной выставки. В своем выступлении он представил американское прошлое как историю освоения западных земель, представив фронт в качестве зоны освоения новых территорий, области (полосы) взаимодействия разных культур в ходе процесса колонизации. По его мнению, фронт разрушал привозные обычаи, привычки и представления о формах социальной организации переселенцев из Европы: «Дикая природа подчиняет себе колониста. Он приходит туда европейцем — по одежде, трудовым навыкам, рабочим инструментам, мыслительным привычкам... Она срывает с него цивилизованную одежду и облачает его в охотничью рубашку и мокасины. Она селит его в бревенчатой хижине индейцев чероки и ирокезов и окружает это жилище индейским частоколом... Короче говоря, вся обстановка фронта оказывает на первых порах невероятно сильное воздействие на колониста» [1, с. 15].

Для Ф.Тернера фронт был своего рода плавильным котлом, превращающим иммигрантов с различными этническими и культурными корнями в американцев. «В горниле фронта все иммигранты американизировались, становились свободными и сплавливались в смешанную расу» [1, с. 29]. По мнению Ф.Тернера самым важным было социальное и политическое воздействие фронта. При столкновении с американской дикой природой социальные различия теряли свое значение, всем приходилось противостоять одним и тем же опасностям, решать одни и те же задачи. Возникшее равенство стало результатом преобразующего влияния фронта. Переселенцы взяли за основу создаваемой общины эгалитарные и демократические принципы, отказавшись от знакомых им европейских моделей социальной организации. «Американскую демократию ... не привезли в Виргинию на борту судна «Сьюэн Констант» или в Плимут на «Мейфлауре». Она вышла из американского леса и набиралась новых сил каждый раз, когда соприкасалась с новым фронтом» [1, с. 250].

Выводы Ф.Тернера имели широкий общественный резонанс, оказали значительное влияние на изучение истории американского континента. Тезисы ученого попали на страницы большинства учебников по американской истории, появилось огромное количество сторонников и критиков позиции Ф.Тернера как в США, так и в других странах. И хотя большинство тезисов ученого в настоящий момент подвергается критике, тем не менее в эпоху современных миграционных процессов актуальность сохраняет междисциплинарный социокультурный подход Ф.Тернера, показывающий многообразное влияние фактора фронта на политическое и антропологическое развитие приграничных государств и регионов.

В отечественной американистике термин фронт появился в середине XX в., значительно позднее чем в западной науке. Так, в конце 1950-х — начале 1960-х годов вышли первые работы известных историков Алексея Владимировича Ефимова [2, с. 135] и Николая Николаевича Болховитинова [3, с. 62], привлечшие внимание к теории Ф.Тернера. Однако по-настоящему популярным в среде отечественных ученых термин фронт

стал только на рубеже 1980-х — 1990-х годов. Именно тогда в стране было опубликовано значительное количество работ, авторы которых использовали теорию фронта в качестве своего рода универсального инструмента исследования применительно к истории стран, имеющих колониционный опыт (Римская империя, Россия и др.). В российской историографии появились работы по изучению нижеволжского, сибирского, дальневосточного и др. «фронтиров». Вышла в свет и работа Е.В.Алексеевой, где рассматривалась тематика фронта в отношении Русской Америки [4]. В целом можно сказать, что появление в последнее десятилетие все большего количества исследований по фронтиру говорит о том, что это направление укоренилось в современной российской историографии. Главная причина популярности состоит в том, что теория фронта носит многоаспектный междисциплинарный характер, дает возможность выявить значительное количество малоизученных тем, относящихся к колониционной истории.

К «белым пятнам» подобного рода можно отнести и исследование влияния фактора испаноамериканского фронта на дипломатию России и Испании во второй половине XVIII в. Между тем рассмотрение этой темы позволяет не только изучить внешнеполитический фон русской колонизации Америки, но и увидеть тесную связь тихоокеанской и средиземноморской политики России и Испании. К этому выводу автор данной статьи пришел в результате участия в подготовке публикации сборника испанских архивных материалов, посвященных истории освоения земель Северо-Запада Америки во второй половине XVIII в. [5, с. 38-70]. Эта работа включает в себя переводы на русский язык документов из архивов Мадрида, Севильи, Симанкаса, Валенсии и Кадиса. В основном это — донесения испанских официальных лиц, дипломатов, моряков, содержащие сведения в отношении испаноамериканского и русского фронта на Тихом океане.

В данной статье рассмотрено влияние фактора испаноамериканского фронта на внешнюю политику России и Испании на севере Тихого океана во второй половины XVIII в. В решении этой задачи существенную помощь оказали впервые вводимые в научный оборот архивные материалы, полученные из испанских архивов.

ОСВОЕНИЕ ТИХОГО ОКЕАНА ИСПАНИЕЙ И РОССИЕЙ

Испания начала осваивать тихоокеанское побережье к северу от Мексики только в XVIII в., когда на территории современной Калифорнии стали создаваться миссии и поселения. Причиной усиления активности Испании стало проникновение в северную часть Тихого океана в XVIII в. российских купцов и пушных промышленников, а также британских торговцев, которые хотели торговать с Азией. Стремясь защитить испанские права на этот регион, власти Испании отправили ряд экспедиций к берегам нынешних Аляски и Канады. В те времена первое наблюдение или открытие территории давало нации право собственности на колонизируемые земли.

Особый интерес к распространению русского влияния в Америке стал проявлять испанский монарх Карл III, взошедший на престол в 1759 г. В этот год он, первым из испанских монархов, признал императорский титул русских государей [6, с.194]. Объясняя необходимость тесных отношений с Россией, испанский король отмечал ее растущую роль в мировой политике: «Хотя удаленность Московии от наших владений отдаляет также и взаимные интересы обеих монархий, мощь этой державы и ее воздействие на переговоры и воздействие в Европе делают ее дружбу все более желанной» [6, с. 196]. Восстановив в 1760 г. после тридцатилетнего перерыва

русско-испанские отношения, он, среди прочего, требовал от назначенного в Санкт-Петербург полномочного посла маркиза де Альмодовара собрать сведения об открытиях русских в Калифорнии. «В то же время я требую, чтобы вы с величайшим мастерством и настойчивостью пытались выяснить, как обстоит дело с продвижением русских в Калифорнию, потому что помимо подтверждения того, что в этом они добились большего успеха, чем другие страны, выглядит подозрительным молчание этого (русского. — В.К.) и лондонского дворов в этом вопросе, которое однажды могло бы иметь большое значение для обоих. Нам всегда будет необходимо твердо следить за политикой вышеупомянутых дворов, чтобы предотвратить их прогресс в этой части» [7, р. 138]. Альмодовар ответил на письмо короля спустя три месяца. В феврале 1761 г. он послал в Мадрид дипломатический отчет о русском присутствии в северной части Тихого океана. В этом отчете он сообщал о распространении влияния России на северные окраины Тихого океана — на полуостров Камчатку, Алеутские острова и на побережье Аляски. Свои выводы испанский посол иллюстрировал сведениями о российских экспедициях Витуса Беринга и Алексея Ильича Чирикова.

В 1763 г. государственным секретарем Испании стал маркиз Гримальди, сторонник «теснейшей связи между бурбонскими дворами»* и проводник жесткой линии по отношению к Англии. Именно тогда обозначились испанско-русские противоречия по курляндскому и польскому вопросам. С этого момента Екатерина II фактически перестала принимать испанского посла, что неизбежно вело к дальнейшему ухудшению двусторонних отношений. Кроме того, выяснилось, что в июне 1763 г. состоялись переговоры на предмет подписания оборонительного соглашения между Россией и Англией. Данное обстоятельство означало неудачу Альмодовара в реализации главной задачи его пребывания в России, которая заключалась в недопущении англо-русского союза.

Летом 1763 г. виконт де ла Эррерия сменил Альмодовара на посту представителя испанского двора в России. Ему удалось заслужить доверие русской императрицы, что привело к улучшению русско-испанских отношений. Продолжив дело своего предшественника, виконт де ла Эррерия писал в своих депешах о колонизации Алеутских островов русскими промышленниками и торговцами, сообщал о русских проектах достичь побережья Америки. Эти сведения, а также результаты завершившейся в 1763 г. Семилетней войны сделали очевидным, что удаленность испанских территорий в Тихом океане более не является гарантией их безопасности. Захват в 1762 г. Великобританией колоний Испании в Новом Свете показал абсолютную незащищенность владений Карла III.

Кроме того, в этот период продолжали поступать сведения об активности русских промышленников в северной части Тихого океана, что расценивалось испанцами как угроза их американским колониям. Так, будучи тогда в ранге посланника в Швеции маркиз Ласи, после посещения России, сообщал испанскому правительству в депеше от 30/19 марта 1764 г.: «Милостивый государь: недавно с Камчатки прибыл российский купец, поведавший на приеме у Императрицы о том, что они с тремя товарищами отправились на небольшом судне в Америку из Авачинской бухты и, следуя

* «Бурбонскими дворами» называли Францию, Испанию и королевство Обеих Сицилий, где тогда правили представители трех династических линий Бурбонов — французской, испанской и неаполитанской. Заключив в 1761 г. «семейный договор» (*pacte de famille*), эти дворы проводили единую внешнеполитическую стратегию, направленную на противостояние Великобритании, на сохранение позиций Бурбонов в Средиземноморье и Америке.

по заданному курсу, на 65-й параллели Северной широты обнаружили острова, к двум из которых подошли вплотную. Высадившись на этих островах, они вступили в торговлю с местными жителями (коих именовали эскимосами) и взяли у них различные меха, в том числе много шкур чёрной лисицы, которые в Тобольске впоследствии оценили в 100 рублей каждую за красоту. Несколько шкур привезли Императрице — говорят, они действительно очень красивые» [8, р.2].

В своем письме Ласи утверждал, что из отчета русского купца и его товарищей, переданного тайно в Санкт-Петербургскую Академию наук, следовало, что фактически был открыт один из островов, расположенных в северо-восточной части Тихого океана недалеко от американских берегов. Кроме того, Ласи указывал, что «другая команда купцов вышла из устья реки Колыма, обогнула мыс Чукотский, вошла в пролив, разделяющий Америку и Сибирь, и на 10-й параллели Северной широты обнаружила множество островов, на которых добыта различные меха, в том числе дорогой мех черной лисицы, с которыми высадилась в Авачинской бухте, а затем вновь взяла курс на Камчатку» [8, р. 3]. Тот факт, что российские губернаторы, правившие в той части Сибири, не сообщили об этом открытии русскому правительству, Ласи объяснял их корыстной заинтересованностью. «Так как были (они. — *В.К.*) заинтересованы в том, чтобы Министерство пребывало в неведении, ведь большая часть мехов, добытых на тех островах в обмен на разные безделицы, были отправлены в Китай и проданы там по очень высокой цене» [8, р. 5]. Свое письмо маркиз Ласи завершал предостережением испанскому правительству: «В настоящее время на Камчатке строятся более крупные корабли, чем те, что до сих пор использовались в этих экспедициях, которые российское правительство намерено проводить и далее в надежде получить от этого большую прибыль в торговле, однако есть вероятность, что природа может этому воспрепятствовать» [8, р. 5-6].

Подтверждением выводов Ласи стала публикация книг действительного члена Санкт-Петербургской Академии наук русско-немецкого историка и естествоиспытателя Герхарда Ф.Миллера, вышедших в Амстердаме в 1766 г. Именно из этих работ общественность европейских стран узнала об открытиях русских на Тихом океане. Книги, изданные на французском языке, назывались «Путешествия и открытия, сделанные русскими вдоль берегов Полярного моря, на Восточном океане, в Японии и Америке» [9]. Как замечает в недавнем исследовании Ольга Виленовна Волосюк, публикация Миллера преследовала явную политическую цель — обосновать права России на Северо-Восток Тихого океана и близлежащую американскую территорию [10, с. 101].

Исходя из этой информации, испанский король Карл III был вынужден с середины 1760-х годов пересмотреть свою политику в тихоокеанском регионе. Так, в 1767 г. он принял решение разработать меры по укреплению границ Испании в этом регионе, он провел важные реформы, направленные на улучшение экономического положения, снабжения, управления приграничных территорий в северной части Тихого океана.

Так, особое значение в стратегии Карл III приобрела небольшая колония Сан-Блас, призванная стать форпостом, сдерживающим продвижение русских. До 1767 г. Сан-Блас представлял собой окруженное болотами заброшенное поселение, находящееся недалеко от устья реки Рио-Гранде-де-Сантьяго. В мае 1768 г. в эту местность по приказу вице-короля Новой Испании Маркиза де Круа было направлено 116 семей во главе со священником Хуниперо Серра для официального основания новой военно-морской крепости и католической миссии. Сначала к порту были приписаны только два пакетбота — «Сан-Карлос» под командованием Хуана Переса и «Эль-Принсипи» под командованием Висенте Вила.

В ходе последовавших испанских экспедиций, нацеленных на обнаружение русских поселенцев, в северной части побережья Калифорнии были заложены еще две военные крепости и католические миссии. Инициатором их создания стал Хосе де Гальвес, специальный представитель короля в Новой Испании (*visitador*), который был хорошо осведомлен о вышеупомянутой депеше Ласи от 30/19 марта 1764 г. Ссылаясь на эту депешу, Х.Гальвес направил письмо мадридскому правительству, в котором подтвердил сведения об угрозе испанским владениям со стороны России. В ответ на свое письмо он получил приказ: «Занять и укрепить Сан-Диего и Монтерей для Бога и короля Испании» [11, р. 32]. Х.Гальвес немедленно организовал серию сухопутных и морских экспедиций из Сан-Бласа для создания военных укреплений и католических миссий в Нижней Калифорнии. Так были основаны крепости Сан-Диего (1769 г.) и Монтерей (1770 г.) [11, р. 32].

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИГРА ВОКРУГ ИСПАНОАМЕРИКАНСКОГО ФРОНТИРА

Ключевую роль в увеличении активности Испании в этом регионе сыграл сменивший виконта Эррерия на посту полномочного посланника в России маркиз Ласи. В 1772 г. он был направлен из Швеции ко двору российской императрицы. В России к этому его назначению отнеслись с большим подозрением. Дело в том, что, будучи до этого посланником в Швеции, маркиз Ласи содействовал приходу к власти враждебно относящегося к России Густаву III. По мнению посланника Великобритании в России Роберта Ганнинга, пользовавшегося особым расположением Екатерины II, российская императрица считала, что новые послы Франции и Испании «едут в Россию с надеждой на возможность революции» [12, с. 330]. Суть революционных изменений, как следовало из переписки главы французской дипломатии Этьенна Шуазеля с французским посланником в России Сабатье де Кабром, могла состоять «в отстранении от власти Екатерины II и возведении на престол ее сына Павла» [13, с. 8-9]. Прусский посланник в Петербурге Виктор Фридрих Сольмс в письме Фридриху II также отмечал, что «испанский посол, который еще из Швеции привез репутацию некоторого лукавства, подозревается здесь в желании интриговать с целью изменить систему здешнего двора» [14, с. 295-296].

Интересно, что Екатерина II знала о подобной позиции бурбонских послов. Так, например, в инструкции российскому посланнику в Испании Степану Степановичу Зиновьеву говорилось о том, что «шведский» урок «требует от нас быть в гораздо большей пред прежним осторожности и наблюдать недреманным оком все подвиги и переговоры шведского двора в других местах, а особливо с бурбонскими домами, которые издавна руководствуются противу России завистью и недоброжелательством» [6, с. 230]. При этом Екатерина II в этот период вовсе не ограничивала себя в общении с послами бурбонских держав, стремясь вовлечь их в свою дипломатическую игру.

В свою очередь испанский король, направляя Ласи в Петербург, был вынужден признать возросшее значение России в политической системе Европы. Среди прочего он призывал своего посланника обратить особое внимание на «путешествия русских в Калифорнию, которые они неоднократно предпринимали с более успешным результатом, чем другие государства. Вы должны проявлять ловкость и скрытность, чтобы выяснить, предпринимались ли такие экспедиции и с каким результатом, так как для нас весьма важно воспрепятствовать им» [6, с. 221].

Чтобы выявить причины столь глубокого интереса мадридского двора к продвижению России в северной части Тихого океана, необходимо проанализировать весь спектр российско-испанских отношений рассматриваемого периода. В решающей степени эти отношения определялись обстоятельствами русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Как известно, инициатором этой войны была Турция, подстрекаемая Францией и Испанией. Отвечая на турецкую агрессию, Россия в эти годы планировала укрепиться в Черном море, завоевав Крым и разрушив монополию Турции в этом регионе. Глава правительства Испании маркиз Гримальди, инструктируя своего посланника во Франции, негативно оценивал это стремление Екатерины II: «Голова царицы забита экспансионистскими планами и, в первую очередь, мечтой о захвате Константинополя, и если это ей удастся, то тогда нарушится равновесие в Европе» [15, р. 167].

Английские дипломаты тайно сообщали главе Коллегии иностранных дел Никите Ивановичу Панину о том, что «испанский посол по повелению своего двора представлял герцогу де Шуазелю (главе французской дипломатии. — *В.К.*) опасность появления русского флота на Средиземном море ... а также неудобства допустить русскую Императрицу до приобретения там нового влияния, причем предлагал, чтобы их соединенные флоты приготовились для того, чтобы воспрепятствовать этому...» [16, с. 480].

В 1769 г. французское и испанское правительства стали предпринимать активные усилия для того, чтобы направить свой флот в восточную часть Средиземного моря и потопить русский флот, возглавляемый Алексеем Григорьевичем Орловым. Но, как писал об этом известный историк Евгений Викторович Тарле, «к неприятнейшей для себя неожиданности граф Шуазель получил довольно решительное предупреждение от британского кабинета, что Англия не потерпит франко-испанского нападения на русскую эскадру» [17, с.12]. По мнению Е.В.Тарле, могучую поддержку «руссофильской» политике в Великобритании оказывал премьер-министр Уильям Питт Старший, выступавший с идеей «крепко сплоченного союза из России, Пруссии и Англии». Историк отмечал: «Английское правительство прибегло не только к известным демонстративным передвижениям своего флота на путях следования русского флота, но и заявило как в Париже, так и в Мадриде, что «отказ в разрешении русским войти в Средиземное море будет рассматриваться как враждебный акт, направленный против Англии» [17, с. 19].

Глава испанского кабинета маркиз Гримальди сетовал по этому поводу: «было бы очень легко уничтожить флот царицы, если бы мы боролись с ней один на один. Но она была в союзе с Англией, и последняя открыто объявила, что не потерпит нападения на русский флот никакой державы. В связи с этим мы были связаны по рукам, в то время как мы очень заинтересованы в процветании Турции и в существовании европейского равновесия» [18, л. 65 об.]. При этом Испания продолжала воздвигать препятствия действиям морских сил России в Средиземном и Черном морях. Так, в сентябре 1769 г. Гримальди вызвал русского посланника в Испании Отто Магнуса Штакельберга для того, что официально уведомить русское правительство в том, что, поскольку испанское государство объявило себя нейтральным относительно русско-турецкого противостояния, то король Испании Карл III запрещает русским военным судам заходить в испанские порты [18, л. 83]. Кроме того, по словам Штакельберга, бурбонские министры заставляли правительства итальянских стран оказывать различного рода затруднения российским военным кораблям [18, л. 82].

Однако уже в следующем году позиция Испании касательно российского присутствия России в Средиземном и Черном морях претерпела значи-

тельные изменения вследствие впервые проявившегося в русско-испанских отношениях «фактора Испанской Америки». Так, в конце 1760-х годов разразился Мальвинский (Фолклендский) кризис, приведший к вооруженному конфликту между Великобританией и Испанией. В 1768 г. губернатор Буэнос-Айреса Франсиско де Паула Букарели* получил указание воспрепятствовать созданию любой британской колонии на территории испанских вице-королевств. В декабре 1769 г. он отправился с тремя судами на Мальвинские острова для выяснения ситуации на месте. Эти острова имели стратегическое значение, поскольку были важнейшим перевалочным пунктом на пути из Атлантического океана в Тихий, являлись своего рода «тихоокеанским ключом» к западному побережью Америки. В июне следующего года Букарели послал в порт Эгмонт пять фрегатов, на борту которых находилось около 1400 морских пехотинцев. 10 июня 1770 г. после короткой перестрелки небольшой британский гарнизон под командованием Джорджа Фармера капитулировал на испанских условиях.

Инцидент вокруг Мальвинских островов сделал фактически неизбежной морскую войну между Великобританией и Испанией. Испанцы попытались укрепить свои позиции, заручившись поддержкой Франции в рамках «фамильного пакта» бурбонских дворов. Какое-то время казалось, что эти три страны вот-вот начнут войну, тем более что французский министр войны и иностранных дел герцог де Шуазель адресовал Великобритании воинственные демарши. Но король Франции Людовик XV неожиданно пошел на примирение, направив Карлу III письмо, в котором заявил, что «мой министр желает войны, а я нет» [19, с. 328]. В конечном итоге, по представлению французского короля герцог де Шуазель был отстранен от должности.

Для Испании ситуация стала критической после того, как выяснилось, что в случае вооруженного конфликта за Мальвины российский флот, скорее всего, выступит на стороне Великобритании. Слухи о совместном выступлении британского и российского флота по защите британских владений в Америке активно подогревались российскими дипломатами, в частности, посланником Штакельбергом. Как отмечает исследователь русско-испанских отношений Владимир Сергеевич Бобылев, «подобного рода дезинформацию он подбрасывал Гримальди при каждом удобном случае» [20, с. 58]. Целью распространения слухов российскими дипломатами (и об этом говорилось в письме Штакельберга главе российской Коллегии иностранных дел Н.И. Панину) было стремление парализовать внешнеполитическую активность Испании, убедив правительство в Мадриде в том, что «однажды русские эскадры объединятся с английским флотом для выполнения общих задач» [21, л. 82 об.].

Стремясь предотвратить столь опасный для испанских колоний англо-русский союз, чуть было не возникший во время «мальвинского» инцидента, Испания была вынуждена изменить свою позицию в отношении русско-турецкой войны. Если первоначально испанское правительство поддерживало «союзническую» Францию, фактически подтолкнувшую Турцию к началу военных действий против России, то уже спустя два года, в самый разгар конфликта, государственный секретарь Испании маркиз Гримальди выговаривал французскому послу: «Вы сделали весьма худое дело, воспламенив войну сию» [22, с. 84-84 об.]. Угроза потенциального англо-русского нападения на испанские колонии и смена внешнеполитиче-

* Франсиско Букарели и Урсуа находился в должности губернатора Буэнос-Айреса в период с 1766 по 1770 г., являлся братом вице-короля Новой Испании Антонио Мария де Букарели и Урсуа.

ского курса Франции после отставки герцога де Шуазеля вынудили испанское правительство искать компромисс с британцами, восстановившими свою базу на Мальвинах уже в конце 1771 г.

После урегулирования «мальвинского» конфликта в 1771 г. «испано-американский фактор» продолжал оказывать серьезное давление на испанскую дипломатию, заставляя правительство Испании считаться с интересами России в Средиземном и Черном морях. Под «испаноамериканским фактором» в данном случае следует понимать соперничество России и Испании в освоении территорий северной части Тихого океана и западного американского побережья. Так, в октябре 1772 г. маркиз Гримальди снабдил испанского посланника в России Ласи материалами, полученными из вице-королевства Новой Испании, необходимыми для выполнения последним «разведывательной миссии» по выявлению информации о продвижении русских в Калифорнии. В ответном донесении графа Ласи в Мадрид от 22/11 октября 1772 г. говорилось: «Милостивый государь: Ваше Превосходительство отравило мне географическую карту экспедиций и поселений калифорнийского побережья, императорский журнал, содержащий отчеты о путешествиях, осуществленных по приказу Вице-короля Мексики маркиза де Круа. Прилагалась также выписка новостей гавани Монтерея о плаваниях русских в Калифорнию, убеждающая меня в том, что русским чаще, чем другим народам, удавалось благополучно достичь калифорнийских берегов» [8, p. 8-9].

Сопоставив предоставленную Гримальди информацию со сведениями, полученными от французского посланника в России Франсуа Дюрана, граф Ласи пришел к выводу, что русское правительство хорошо осведомлено о последних испанских экспедициях в Калифорнии. Более того, испанский посланник предположил, что Россия стремится взаимодействовать в северо-восточной части Тихого океана с английским правительством, рассчитывая на получение от последнего помощи в защите своих владений в этой части света. Обращаясь к Гримальди, граф Ласи отмечал: «...несмотря на то, что англичане могут ввести свой флот в Охотскую и Камчатскую бухту, вполне возможно, что после того, как российское правительство поделилось с ними своими опасениями, они решили помочь русским в случае вторжения, но затем, рассудив, что мы никогда не вознамеримся отправить экспедицию в столь суровый, холодный и скудный край, как Камчатка, не оказали им никакой помощи» [8, p. 10].

В конце своего отчета испанский посланник приводил сведения, которые, по его мнению, подтверждают англо-русскую координацию действий в северной части Тихого океана. «Завершу свое повествование описанием уникального события, которое, как мне доподлинно известно, более чем правдоподобно. Императрица этой державы, глядя на карту своих владений, сказала британскому адмиралу Ноулсу*, что, если Азия и Америка

* Сэр Чарльз Ноулс, 1-й баронет (1704—1777) — адмирал британского королевского флота, некоторое время состоял на российской службе во время русско-турецкой войны. Был очень образованным человеком и, в частности, специалистом по строительству и уничтожению укреплений. Его карьера складывалась в основном в Вест-Индии, где он командовал эскадрами кораблей и действовал против испанских кораблей и поселений. Помимо военной службы Сэр Чарльз находил время для научных исследований, работал над переводами зарубежных научных исследований. В 1770 г. Ноулс принял приглашение Екатерины II прибыть в Россию для консультирования по вопросам развития Императорского военно-морского флота. К моменту своего отбытия в 1774 г. на родину он представил Екатерине подробный план развития военно-морского флота по английскому образцу с предложением о строительстве, по крайней мере, пяти новых кораблей и реконструкции сухих доков. Британский исследователь Филипп Кленденнинг называл его вторым после Петра I «отцом русского флота», что является очевидным преувеличением [23, p. 39-49].

являют собой один континент, она продолжит завоевания в этой части земного шара, а если, как утверждают русские мореходы, их разделяет всего один пролив, она бы послала разведку по морю. Ее Величество часто спрашивает адмирала Ноулса, нет ли известий о сухопутных экспедициях, которые англичане собирались провести со стороны Канады, продвигаясь к морю по земле с юга» [8, р. 11-12].

ЗАГАДКА МОРСКОГО ОФИЦЕРА ЧИРИКОВА

Следующая зашифрованная депеша графа Ласи от февраля 1773 г., посвященная русской активности на Американском континенте, содержит ряд непроясненных мест и вызвала серьезные разночтения в историографии. В ней испанский посланник сообщал о некоем офицере Российского императорского флота по фамилии Чириков, который в 1769 г. проводил исследование территории между Камчаткой и Америкой по требованию своего правительства. В 1772 г. Чириков вернулся в российскую столицу вместе со своим секретарем, оставив в Сибири всех, кто сопровождал его в экспедиции.

Ласи отмечал секретный характер экспедиции: «Все свои бумаги он сдал в министерстве, откуда они были отправлены в архив за тремя печатями. С Чирикова (*Chericow*. — *В.К.*) и с его секретаря взяли клятву о неразглашении какой-либо информации, связанной с их экспедициями, после чего Чириков был назначен командиром последней эскадры, отправленной отсюда к Архипелагу (Ласи имеет в виду греческий Архипелаг, расположенный в Эгейском море, и поход русских кораблей в Средиземное море, завершившийся разгромом турецкого флота в 1770 г. — *В.К.*)» [24, р. 31]. Граф Ласи приложил все усилия к тому, чтобы выяснить, какие открытия были сделаны в ходе этой экспедиции, «но узнал только то, что Чириков по возвращении говорил, что он был в Америке, откуда привез монеты, которые до этого знал только в Европе; что во время плавания судно не потерпело ни одного шторма; что в ста лье от Камчатки в замерзшем море уже не было сильных морозов; что плавать в этих местах не так сложно, как это считалось прежде» [24, р. 31-32]. Далее испанский посланник акцентировал внимание на значимости результатов экспедиции: «От русских также известно, что под их флагом в тех краях были сделаны очень важные открытия и что их правительство ожидает наступления более благоприятных обстоятельств, чтобы воспользоваться результатами экспедиции» [24, р. 32].

В этом донесении граф Ласи ошибочно называет руководителем экспедиции 1769 г. известного русского мореплавателя Чирикова, умершего еще в 1748 г. Этот факт был различным образом интерпретирован современными историками. Так, Вила Вилар, не задумываясь, воспроизводит версию Ласи [25, р. 35]; польский историк Цезарь Тараша, говоря об организаторе экспедиций 1769—1770 гг., пишет о мореплавателе по имени Щенков (*Czenkow*) [26, р. 185-186]; а Мануэла Фернандес Родригес говорит о том, что русским командором 1760-х годов был сын Чирикова [27, р. 102]. В ходе дополнительного исследования нами была установлена необоснованность вышеуказанных версий. Маловероятна также вполне очевидная версия о том, что испанский посол, упомянув в донесении Чирикова, фактически писал о русском флотоводце Василии Яковлевиче Чичагове. Действительно, в 1765 и 1766 гг. В.С.Чичагов дважды отправлялся в «секретные экспедиции» на трех кораблях из порта Кола к Камчатке и Северной Америке, но в экспедициях 1768 г. он участия не принимал. В депеше

граф Ласи пишет о том, что тот был отправлен для участия в военных действиях на греческом Архипелаге, но Чичагов, хотя и участвовал в русско-турецкой войне 1768—1774 гг., но командовал флотом в районе Керченского пролива.

Выскажем свою точку зрения по данному вопросу. Если судить по указанным в депеше датам, то, скорее всего, речь идет о Михаиле Дмитриевиче Левашове — мореплавателе, исследователе Аляски и Алеутских островов. В 1764 г. он стал участником секретной экспедиции Петра Кузьмича Креницына, посланной для исследования берегов Северной Америки с целью поиска арктического морского пути в Тихий океан. Эта экспедиция вышла 24 июля 1768 г. из устья реки Камчатки в направлении побережья Северной Америки и завершилась в Санкт-Петербурге 22 октября 1771 г. Ее результатом стал опубликованный в Санкт-Петербурге в 1771 г. «Атлас видов Камчатских и Алеутских островов, снятых капитан-лейтенантом Левашовым».

В целом анализ содержания писем графа Ласи свидетельствует о том, что он был в значительной степени дезинформирован относительно русского продвижения в направлении владений Испанской Америки, находящихся в северной части Тихого океана. Фамилии участников экспедиций либо не приведены, либо даны неправильно. Даты российских экспедиций указаны весьма приблизительно. Кроме того, информация Ласи относительно возможного прибытия английского флота в Охотскую и Камчатскую бухту не подтверждается другими источниками. Очевидно, что маркиз Ласи преувеличил опасность русского-английского проникновения в этот регион, что привело к организации «разведывательных» экспедиций и к активности испанцев на американском побережье.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Вместе с тем зашифрованные депеши испанского посланника, в которых он заявлял о важных открытиях русских мореплавателей, о «координации действий» Великобритании и России в северо-западной части Тихого океана, имели далеко идущие последствия. Как мы видим из переписки испанских чиновников, именно на основании сведений, полученных от маркиза Ласи, правительство Испании и администрация колоний приняли решение направить в район предполагаемого русского продвижения «разведывательные» экспедиции Хуана Переса (1774) и Бруно де Эсета (1775).

Исходя из информации своего посланника в Санкт-Петербурге, правящие круги Испании воспринимали закрепление русских в этом регионе как угрозу своим колониальным владениям на западном побережье Американского континента. Особую опасность при этом они видели в совместных англо-русских действиях в Тихом океане: Россия, по их мнению, вполне могла предоставить плацдарм для нападения Великобритании, имевшей в недавнем прошлом прецедент аннексии испаноамериканских территорий на Мальвинах.

Безусловно, русское правительство, как и в случае с «мальвинским инцидентом», не планировало совместных с Англией военных операций. Тем не менее оно учитывало высокую степень уязвимости испаноамериканских территорий в Новом Свете. Если для России освоение земель на тихоокеанском побережье Америки представляло собой лишь одну из возможных территориальной экспансии и распространения хозяйственного влияния, то для правительства Карла III и его дипломатов сохранение фронта стало вопросом «жизни и смерти». Способность защитить границы уже

открытых в Северной Америке территорий определяла возможность выживания всей колониальной империи Карла III. Это приобретало особое значение с учетом общей напряженной ситуации на континенте, возникшей накануне войны за независимость в США.

Екатерина II и ее дипломатическая служба, будучи хорошо осведомлены об этих опасениях Испании, использовали это в своих интересах. Создавая «видимую угрозу» совместных англо-русских действий по захвату территорий в северной части Тихого океана, имитируя организацию «разведывательных» экспедиций в этом регионе, дезинформируя послов «бурбонских» держав, российская дипломатия оказывала мощное давление на испанское правительство с целью заставить его отказаться от антирусских провокаций в Средиземноморье, занять приемлемую позицию в вопросе подписания мирного договора 1774 г. с Турцией, добиться полноценного статуса России как морской державы. Такой подход позволил Екатерине II найти эффективный инструмент для воздействия на испанскую политику как в европейских, так и американских делах. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. российская императрица, используя дипломатические каналы, недвусмысленно продемонстрировала, что любые испанские и французские провокации и затруднения в отношении маневров русского военного флота в Средиземноморье с большой вероятностью вызовут совместные англо-русские действия, направленные против испанских владений в Америке.

К аналогичной дипломатии Екатерина II прибегла и в дальнейшем, в ходе русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Фактор «испаноамериканского фронта» продолжал оказывать существенное влияние на внешнюю политику России и Испании, что можно проследить на примере конкретного исторического сюжета, связанного с пребыванием в России видного латиноамериканского политического деятеля Франсиско де Миранды [28, pp. 17-42; 29, pp. 85-97].

Безусловно, предложенная версия нуждается в дальнейшей проверке, но в любом случае можно утверждать, что «испаноамериканский» фактор сыграл важную роль в том, что Испания во время русско-турецких войн заняла дружественную России позицию. В своем продвижении по территориям северной Америки Екатерина II использовала «секретное оружие» — не военные экспедиции и вооруженную экспансию, а хозяйственное освоение американского побережья. Исследование подтвердило высказанную нами ранее точку зрения, что на первоначальном этапе освоения Тихого океана именно частные купцы были в авангарде этого процесса [30, с. 16-21; 31, с. 1128-1136]. Правительство Екатерины II лишь шло по их стопам или использовало полученную от купцов информацию для решения дипломатических вопросов. Таким образом, уверенному территориальному продвижению русских в северной части Тихого океана способствовала умелая сбалансированная дипломатия Екатерины II, сумевшая обеспечить не только расширение границ «Русской Америки», но и защитить интересы России на Черном море и в Средиземноморье.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Тернер Ф. Фронтир в американской истории. / Пер. с англ. А. И. Петренко. М., Весь мир, 2009, 304 с. [Turner F. Frontir v amerikanskoj istorii. [Turner F. The Frontier in American History] M., Ves' mir, 2009, 304 p. (In Russ).]
2. Ефимов А.В. Проблема сосуществования различных способов производства в работах Ф.Д. Тернера. *Вопросы философии*. М., 1958, № 5, сс. 135-145 [Efimov A.V. Prob-

lema sosushhestvovaniya razlichnyh sposobov proizvodstva v rabotah F.D. Ternera [The problem of the coexistence of various production methods in the works of F.D. Turner.] *Voprosy filosofii*. Moscow, 1958, № 5. pp. 135-145 (In Russ.).

3. Болховитинов Н.Н. О роли «подвижной границы» в истории США. *Вопросы истории*, М., 1962, № 9, сс. 57-74 [Bolhovitinov N.N. O roli «podvizhnoj granicy» v istorii SShA [On the role of a "movable frontier" in the history of the United States] *Voprosy istorii*, Moscow, 1962, № 9, pp. 57-74 (In Russ.).

4. Алексеева Е. В. Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург: УРО РАН, 1998, 254 с. [Alekseeva E. V. Russkaja Amerika. Amerikanskaja Rossija? [Russian America. American Russia?] Ekaterinburg: URO RAN, 1998. 254 p. (In Russ.).

5. Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII века (по материалам испанских архивов) : монография в документах / сост., под общ. ред. А. Ю. Петрова ; ред.-сост. В. Н. Косторниченко ; авт.: А. Ю. Петров, В. Н. Косторниченко, А. А. Альварес Солер, Э. В. Вилар, О. В. Нешкес ; пер с исп. О. В. Нешкес, А. В. Иволгин, Д. С. Шмарёв. — Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2020, сс. 38-70 [Rossija i Ispanija na severo-zapade Ameriki vo vtoroj polovine XVIII v. (po materialam ispanskih arhivov)] : monografija v dokumentah [Russia and Spain in the North-West of America in the 2nd half of the XVIII century (based on the Spanish archival documents): monograph in documents] / edited by A. Ju. Petrov; comp. by V. N. Kostornichenko ; auth.: A. Ju. Petrov, V. N. Kostornichenko, A. A. Al'vares Soler, Je. V. Vilar, O. V. Neshkes ; per s isp. O. V. Neshkes, A. V. Ivolgin, D. S. Shmarjov. — Rjazan', 2020, pp. 38-70 pp. (In Russ.).

6. Россия и Испания: в 2-х томах. Под ред. О.В. Волосюк и др. М., Международные отношения, т. 1, 1991, 467 с. [Rossija i Ispanija: v 2-h tomah. Pod red. O.V. Volosjuk i dr. [Russia and Spain: in 2 volumes]. Moscow, vol. 1, 1991, 467 p. (In Russ.).

7. *Corpus diplomatico hispano-ruso*. Т. I. Madrid, Ministerio de Asuntos Exteriores, 1991.

8. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100.

9. Müller, Gerhard Friedrich. Voyages et découvertes faites par les Russes le long des côtes de la Mer Glaciale et sur l'Océan Oriental tant vers le Japan que vers l'Amérique... 2 vols. Amsterdam, Chez Marc-Michel Rey, 1766, 388 pp. et iv, 207 pp.

10. Волосюк О.В. Испанцы и русские на Тихом океане. *Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Коллективная монография*. Отв. ред. Волосюк О.В. М., «ИНДРИК», 2018. сс. 101-108. [Volosjuk O.V. Ispancy i russkie na Tihom okeane [Spaniards and Russians in the Pacific]. *Ispanija i Rossija: diplomatija i dialog kul'tur. Kollektivnaya monografija* [Spain and Russia: diplomacy and dialogue of cultures]. Moscow, «INDRIK», 2018, pp.101-108 (In Russ.).

11. James J. Rawls & Walton Bean. California: An Interpretive History. New York, McGraw-Hill, 8th edition, 2003.

12. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 19. Часть 2: Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе, с 1770 по 1776 г. включительно. Сообщено из английского государственного архива и архива Министерства Иностранных Дел. Отв. ред. А. А.Половцев. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1876, 547 с. [Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva. Т. 19, Chast' 2: Diplomaticeskaja perepiska anglijskih poslov i poslannikov pri russkom dvore, s 1770 po 1776 g. vključitel'no. Soobshheno iz anglijskogo gosudarstvennogo arhiva i arhiva Ministerstva Inostrannyh Del [Collection of the Russian Imperial Historical Society. Т. 19. Part 2: Diplomatic correspondence of English ambassadors and envoys at the Russian court, from 1770 to 1776 inclusive. Reported from the English State Archives and Archives of the Department of Foreign Affairs] SPb: Tip. Imp. Akad. nauk, 1876, 547 p. (In Russ.).

13. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 143: Дипломатическая переписка французских представителей при дворе Императрицы Екатерины II. Т. 3, 1769-1772. Отв. ред. К. А. Губастов. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1913, 643 с. [Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva. Т. 143: 1769-1772. Diplomaticeskaja perepiska francuzskih predstavitelej pri dvore Imperatricy Ekateriny II. Т. 3, 1769-1772 [Collection of the Russian Imperial Historical Society. Т. 72. Part 3: Diplomatic correspondence of French representatives at the court of Empress Catherine the Great. Vol. 3, 1769-1772] SPb: Tip. Imp. Akad. nauk, 1913. 643 p. (In Russ.).

14. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 72. Часть 3: Дипломатическая переписка прусского короля Фридриха II с графом Сольмсом, посланником

при русском дворе: Сообщ. из Берлинского гос. архива: 1772-1774 г. Отв. ред. Г. Ф. Штендман. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1891, 611 с. [Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshestva. T. 72, Chast' 2: Diplomaticeskaja perepiska prusskogo korolja Fridriha II s grafom Sol'msom, poslannikom pri russkom dvore : Soobshh. iz Berlinskogo gos. Arhiva [Collection of the Russian Imperial Historical Society. T. 72. Part 3: Diplomatic correspondence of King Frederick II of Prussia with Count Solms, envoy to the Russian court Messages from the Berlin state. Archive] SPb: Tip. Imp. Akad. nauk, 1891, 611 p. (In Russ.).

15. Ruigomez de Hernandez M. El gobierno español del despotismo ilustrado ante la independencia de los Estados Unidos de América. Una nueva estructura de la política internacional. 1773-1783. Madrid, 1978. 338 p.

16. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 12. Часть 1: Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе, с 1762 по 1769 г. включительно. Сообщено из английского государственного архива и архива Министерства Иностранных Дел. Отв. ред. А. А. Половцев. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1873. 499 с. [Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshestva. T. 12, Chast' 1: Diplomaticeskaja perepiska anglijskih poslov i poslannikov pri russkom dvore, s 1762 po 1769 g. vključitel'no. Soobshheno iz anglijskogo gosudarstvennogo arhiva i arhiva Ministerstva Inostrannyh Del [Collection of the Russian Imperial Historical Society. T. 12. Part 1: Diplomatic correspondence of English ambassadors and envoys at the Russian court, from 1762 to 1769 inclusive. Reported from the English State Archives and Archives of the Department of Foreign Affairs.] SPb: Tip. Imp. Akad. nauk, 1873. 499 p. (In Russ.).

17. Тарле Е.В. Собр. соч. в 12 т. М., Издательство Академии наук СССР, 1959, т.10, 878 с. [Tarle E.V. Sobranie sochinenij v 12 tomakh [Collected works in 12 volumes]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959, t.10, 878 p. (In Russ.).

18. Архив внешней политики Российской империи, ф. Сношения России с Испанией, д. 314, л.65 об. [Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii, f. Snoshenija Rossii s Ispaniej, d. 314, l.65 ob. [Archive of foreign policy of the Russian Empire, coll. Relations of Russia with Spain]. Fold. 314, p. 65 back.

19. Green, Walford Davis. William Pitt, Earl of Chatham, and the Growth and Division of the British Empire, 1708–1778. London, GP Putnam's Sons. 1906.

20. Бобылев В. С. Россия и Испания в международных отношениях второй половины XVIII века. М.: РУДН, 1997. 284 с. [Bobylev V. S. Rossiya i Ispanija v mezhdunarodnyh otnoshenijah vtoroj poloviny XVIII veka [Russia and Spain in International Relations of the second half of the XVIII century] Moscow, RUDN, 1997, 284 p. (In Russ.).

21. Архив внешней политики Российской империи, ф. Секретнейшие дела. Испания, д.3-4, л.82 об. [Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii, f. Sekretnejshie dela. Ispanija, d.3-4, l.82 ob. [Archive of foreign policy of the Russian Empire, coll. Secret Affairs. Spain]. Fold. 3-4, p. 82 back.

22. Архив внешней политики Российской империи, ф. Сношения России с Испанией, д.321, л.84-84 об., [Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii, f. Snoshenija Rossii s Ispaniej, d.321, l.84-84 ob. [Archive of foreign policy of the Russian Empire, coll. Relations of Russia with Spain] Fold. 321, p. 84-84 back.

23. Clendenning Ph. Admiral Sir Charles Knowles and Russia 1771-1774. *The Mariner's Mirror*. 1973, Vol. 61, N° 1, pp. 39-49.

24. Archivo General de Indias, Estado 20.1.

25. Vila Vilar, E. Los rusos en América. Sevilla, Escuela de Estudios Hispano-Americanos, 1966. 104 p.

26. Taracha, Cezary Szpiedzy i dyplomaci. Wywiad hiszpański w XVIII wieku, Lublin 2005, 237 p.

27. Rodríguez, Manuela Fernández. La presencia rusa en el Pacífico Noroeste. *El Ejército y la Armada en el Noroeste de América: Nootka y su tiempo*. Madrid: Universidad Rey Juan Carlos, 2011, pp. 99-144.

28. Мирошевский В.М. Екатерина II и Франсиско Миранда. *Историк-марксист*, М., 1940, № 2, сс. 17-42 [V.M. Miroshevskij Ekaterina II i Fransisko Miranda [Catherine II and Francisco Miranda] *Istorik-marksist*, Moscow, 1940, № 2, pp. 17-42. (In Russ.).

29. Косторниченко В.Н. «Русская Америка» и международная дипломатия: Франсиско Миранда при дворе Екатерины II. *Вестник МГУ. Общественные науки*. Вып. 3 (806). М., 2018, сс. 85-97 [V.N. Kostornichenko «Russkaja Amerika» i mezhdunarodnaja diplomatija: Fransisko Miranda pri dvore Ekateriny II ["Russian America" and International

Diplomacy: Francisco Miranda at the court of Catherine II]. *Vestnik MGLU. Obshchestvennye nauki*. Вып. 3 (806), Moscow, 2018, pp. 85-97. (In Russ.).

30. Чистякова Е.В. Контакты России с народами Латинской Америки (до XIX в.). М., УДН, 1980, 73 с. [Chistjakova E.V. Kontakty Rossii s narodami Latinskoj Ameriki (do XIX v.) [Russia's contacts with the peoples of Latin America (before the XIX century)] Moscow, 1980, 73 p. (In Russ.).

31. Петров А.Ю. Новые документы по истории Русской Америки в зарубежных архивах. *Вестник Российской академии наук*, М., 2019, том 89, № 11. сс. 1128—1136 [Petrov A.Ju. Novye dokumenty po istorii Russkoj Ameriki v zarubezhnyh arhivah [New documents on the history of Russian America in foreign archives] *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, Moscow, 2019, vol. 89. № 11. pp. 1128—1136. (In Russ.).

Vladimir N.Kostornichenko (kostornichenko@yandex.ru)
PhD in Economic History, Professor at the Department of History
Moscow State Linguistic University

Ostozhenka Str., 38, 119034 Moscow, Russian Federation

Russian and Hispanic Americas in XVIII centuries: a problem of the Pacific frontier

Abstract. The article examines the influence of the “Pacific Frontier” factor in the foreign policy of Russia and Spain in the second half of the 18th century. A historical, comparative, and retrospective analysis of archival documents has revealed that Spanish diplomacy saw Russian penetration into the Pacific as a threat to its possessions in Spanish America. The government of Catherine the Great, using the fears of the Spanish authorities, put a powerful pressure on the Spanish government to force it to abandon their maneuvers in the Mediterranean, and take an acceptable for Russia stance on signing a peace treaty of 1774 with Turkey, as well as to recognize Russia as a full maritime power. The skillful balanced diplomacy of Catherine the Great contributed to Russia's territorial advancement in America. Catherine the Great managed to not only ensure the expansion of “Russian America's” borders, but also to protect the interests of Russia in the Black Sea. The article also discusses the history of the formation of the Russian-Spanish border in America, shows the importance of Russian and Spanish expeditions for the economic and administrative development of the North Pacific. The study was conducted as part of an interdisciplinary approach, includes a wide range of domestic and foreign archival sources.

Key words: Hispanic-American frontier; Pacific Ocean, Catherine the Great; Karl II; Count Lacy; Russian America, Russian-Turkish war 1768-1774.

DOI: 10.31857/S0044748X0011911-1

Received 27.05.2020